

Гений России и Франции

31 октября 2012 года исполнилось 120 лет со дня рождения великого русского шахматиста Александра Алехина. Десятки статей, биографий, исследований, казалось бы, не должны оставить неясностей в судьбе русского шахматного гения.

Однако история его жизни по-прежнему порождает немало вопросов. Вопросы, которые неизбежно возникают, стоит отойти от традиционных клише. Гроссмейстер Илья Смирин и бизнесмен Андрей Филатов, спонсор последнего матча на первенство мира по шахматам в Третьяковской галерее, рисуют непарадный портрет четвертого чемпиона мира.

За три дня до исхода 20 века, 28 декабря 1999 года ураган вдруг обрушился на предместья Парижа. Он пронесся над Монпарнасским кладбищем и разметал с особым рвением одно надгробье. На барельефе – профиль четвертого чемпиона мира из белого каррарского мрамора. У подножья памятника – шахматные клетки. Рядом с крестом – надпись золотыми буквами: "Александр Алехин. Гений шахмат России и Франции...".

Александр Алехин родился в богатой дворянской семье. Его отец был крупнейшим землевладельцем в Воронежской губернии, предводителем дворянства, членом Государственной Думы. Мать Алехина происходила из семьи известных московских фабрикантов Прохоровых. Будущий чемпион мира получил аристократическое воспитание и блестящее образование, с детства знал несколько языков – для многих русских аристократов французский был языком домашнего общения.

Служение отечеству в аристократической дореволюционной среде было естественным, как дыхание. Через всю жизнь Алехин пронес заложенное в него чувство долга. Нравственный стержень русского дворянина и патриота позволил ему не уронить человеческого достоинства в самые тяжелые периоды жизни.

Брусиловский прорыв

Начало Первой мировой войны застало Алехина в Мангейме, где проходил турнир мастеров Германского шахматного союза. Вместе с другими участниками соревнования из враждебных государств Алехин был задержан и интернирован из Германии. Это было первое знакомство Алехина с тюрьмой и войной.

В России, куда шахматист вернулся окружным путем, он не подлежал призыву в армию из-за болезни сердца. Однако в силу воспитания и характера он не мог оказаться вне патриотического порыва, охватившего российское общество в начале первой мировой войны. Он начинает работать в Комитете по оказанию помощи больным и раненым воинам, а летом 1916 года, несмотря на состояние здоровья, уходит на фронт добровольцем. «Шахматный вестник» (№ 19–20, за 1916 год) так описывал обстоятельства получения Алехиным государственных наград:

«На позициях А.А.Алехин самоотверженно оказывал помощь раненым, часто под неприятельским артиллерийским и пулеметным обстрелом, и награжден за это двумя Георгиевскими медалями. Однажды он вынес с поля боя раненого офицера, за что представлен к ордену св. Станислава с мечами. ...Оказывая раненым помощь в наиболее опасных местах, Алехин был дважды контужен, причем второй раз настолько серьезно (в спину), что ему пришлось пролежать в госпитале г. Тарнополя несколько недель...».

Не слишком ли много - три награды за такой короткий срок? Чтобы понять это вспомним обстоятельства, при которых награды были получены. Знаменитый «Брусиловский прорыв» стал важной вехой в истории первой мировой. Наступление началось по всей линии фронта, не оставалось буквально ни одного метра земли, на котором не шли бы кровопролитные бои.

И все же период службы Алехина известен недостаточно. Человек из знатной семьи, достаточно известный шахматный маэстро вдруг оказался в гуще дикого военного противостояния. Что пережил он, оказавшись в этой мясорубке? И как повлияла война на формирование его личности? Об этом можно строить гипотезы, основываясь на книгах Моема, Хемингуэя, Ремарка – ровесников Алехина, которые участвовали в первой мировой войне, а затем описали эти страшные события.

Алехин (1916)

Одесские тайны и московские версии

Вернувшийся в Москву Алехин был приписан к правовому отделу Министерства иностранных дел. После октябрьской революции он потерял состояние и дворянство. За несколько месяцев до этого, в мае 1917, умер его отец.

Начался сложный период в жизни будущего чемпиона, но он продолжал играть, несмотря на голодное и жестокое время. В этот период Алехин поразительно смело разъезжает по охваченной смутой России. В мае 1918 года он выступает в Архангельске, осенью в Киеве, затем – в Одессе. Возможно, шахматные гастроли спасали его от ощущения крушения привычного мира. Он путешествовал из города в город, давал сеансы игры вслепую, играл на деньги.

Игра на ставку в одесском шахматном кафе Робина продолжалась и после установления в городе советской власти 6 апреля 1919 года. Считается, что именно в шахматном кафе Алехин был арестован сотрудниками ЧК. Говорят, сработал донос одного из недоброжелателей, возможно, какого-то местного игрока.

Попасть в ЧК было тяжелейшим испытанием. В особенности - для потомственного дворянина, сына члена Государственной Думы. Спасение Алехина в революционной Одессе стало почти что чудом.

Об этом спасении написано немало, но точных фактов по-прежнему не хватает. Говорили о роли Троцкого, Мануильского, Раковского (это все видные деятели Октябрьской Революции)... Скорее всего, спасли Алехина шахматы, точнее - его шахматная известность: разные стороны революционного конфликта испытывали уважение к известному маэстро. Сам Алехин не любил рассказывать об этом эпизоде, отмалчивался. Если он и не принимал революционной действительности, то философски осознавал себя песчинкой глобальных исторических процессов, частью которых волею судьбы оказался.

После освобождения Алехин работал в Одесском губернском исполкоме. В августе 1919 года он перебрался в Москву и поступил на актерские курсы к Госкиношколу, но уже в мае 1920-го перешел на должность следователя московского Центрального следственно-розыскного управления главного управления милиции. Свободно владеющий английским, французским и немецким языками, Алехин занимался перепиской с наркоматом иностранных дел по вопросам розыска иностранцев, пропавших в России во время революции и гражданской войны.

Необходимость служить и зарабатывать на хлеб отвлекали от шахматного призвания. Он продолжает играть в шахматы, занимает первое место во Всероссийской Олимпиаде в Москве (впоследствии названной первым чемпионатом СССР), но условия жизни в изолированной, разоренной революцией стране не дают возможности сконцентрироваться на игре.

Осенью 1920 года Алехин вновь меняет место службы и поступает переводчиком в информационно-организационный отдел Коминтерна, где и знакомится со своей будущей женой, 42-летней социал-демократкой из Швейцарии, журналисткой Анной-Лизой Рюэгг. После женитьбы Алехин пытается выехать в Париж. Разрешение на выезд подписал Лев Карахан, который был заместителем народного комиссара иностранных дел.

За три послереволюционных года Алехин сменил несколько профессий, дважды становился жертвой доносов, сидел в тюрьме, чудом остался жив. Гордый человек, осознающий свой выдающийся шахматный талант, он почти лишен возможности играть в шахматы. В результате Алехин переезжает в Париж, который в 30-е годы прошлого века стал столицей русской эмиграции.

Гражданин Франции

Французское гражданство Алехин получит только спустя четыре года – в 1925 году. В том же году в России Исполнительное бюро Всесоюзной шахматной секции *«не сочло возможным вступить в какие-либо переговоры с Алехиным об участии его в международном турнире в Москве, считая этого мастера чуждым и враждебным советской власти элементом...»*. Незаметное для широкой публики, это решение стало ударом для Алехина.

После победы осенью 1927 года над Капабланкой новый чемпион мира с триумфом возвращается в Европу. Радовались его победе и в России, но особенно ликовали русские эмигранты. Знаменитый писатель Куприн посвятил Алехину восторженный очерк «Шахматы».

В Париже на одном из многочисленных чествований Алехин произносит благодарственную речь. Наиболее известная цитата из этой речи – «развеем миф о непобедимости Капабланки». Так передавали большинство газет, но несколько эмигрантских СМИ вышли с измененным текстом: «миф о непобедимости большевиков может быть разрушен так же, как был разрушен им миф о

непобедимости Капабланки». Никогда не замеченный в антисоветских высказываниях, он мог сказать подобное, но доказательств этому нет.

Чемпион не захотел откеститься от скандальной публикации, промолчал, стараясь не обострять отношений с эмигрантским братством. Однако в СССР статьи заметили и отреагировали на них резко и решительно, объявив Алехина врагом. От чемпиона мира публично откестился оставшийся на родине родной брат Алексей.

Лев Любимов в своих воспоминаниях «На чужбине» так описывает великого мастера: *«Алехин производил впечатление сильного, волевого человека. Он умел говорить умно, с весом, но в речи его всегда проскальзывало невольное раздражение. Да, несомненно, что-то в его судьбе постоянно раздражало его. Вдохновлялся по-настоящему, когда говорил о шахматах, причем если собеседник был иностранец, всегда подчеркивал, что самая высокая шахматная культура в Советском Союзе...»*

Алехин был, конечно, человеком больших страстей, но чужбина, сознание, что он не у себя, что только в том же «родном доме», о котором тосковал Бунин, его могли бы признать по-настоящему, и в то же время какое-то малодушие, мешавшее ему решительно признать ошибочность своей разлуки с родиной — все это надломило его, лишило внутренней опоры...»

Как многие эмигранты, он глубоко переживал разрыв со своей страной и стремился восстановить связи с СССР. В конце 1935 года во время матча с Эйве в газете «Известия» была опубликована телеграмма: *«Не только как долголетний шахматный работник, но и как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни, шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции. Алехин»*. Эмигрантские газеты реагировали на это послание недоброжелательно, злословили, утверждали, что Алехина «подговорил» Михаил Ботвинник, которого чемпион мира очень уважал.

В 1936 году Алехин дважды обращается в редакцию шахматного журнала «64»: *«27.VII.1936 г. В редакцию «64». Мне будет глубоко радостно посредством сотрудничества в вашем журнале после столь долгих лет опять принять посильное участие в шахматном строительстве СССР. Пользуюсь случаем, чтобы от всего сердца послать привет новой, стальной России. А. Алехин»*.

И второе письмо: *«Лондон, 1. IX. 1936 г. В редакцию «64». В связи с вопросом о возможности моего сотрудничества в Вашем журнале считаю своим долгом сделать следующее заявление: 1. Для меня было бы огромной радостью вновь принять посильное участие в шахматном строительстве СССР. 2. Надеюсь, что мои ошибки в прошлом, ныне вполне осознанные, не окажутся непреодолимым препятствием к названному участию...»*

Я тем глубже жалею об этих ошибках, что за последние годы равнодушное отношение мое к гигантскому росту советских достижений превратилось в восторженное. Доказать это отношение на деле было бы, повторяю, мне величайшим удовлетворением. А. Алехин».

В этих посланиях чувствуется не только тоска по Родине, но и понимание того, что именно в СССР шахматы, дело всей его жизни, получили наибольшее развитие. В это время его коллеги, выдающиеся западные мастера, регулярно посещали Москву, принимали участие в турнирах. Чемпион мира Ласкер спасался в столице СССР от постепенно поедающей Европу коричневой чумы. Даже знаменитые эмигранты возвращаются – среди них и приятель писатель Куприн, и гениальная поэтесса Цветаева.

Алехин уже немолод, потребность увидеть Россию гложет его. В 1939 году был подписан договор о его матче на мировое первенство с лучшим шахматистом СССР, «железным» Михаилом Ботвинником. С советской стороны проведение матча обеспечил лично Сталин. Играя в Москве, Алехин хотел реабилитировать себя перед Советской властью и облегчить положение живущих в России брата и сестры. Но карты вновь смешались, началась Вторая Мировая Война.

Коллаборационист или жертва?

Вторжение в Германии в Польшу совпало шахматной Олимпиадой в Аргентине. Через прессу и по радио Алехин призвал к бойкоту немецкой команды. Будучи гражданином и человеком долга, он следовал своим убеждениям.

В 1940 году, вернувшись во Францию, Алехин вступил во французскую армию. Как и в 1916 году, он пошел добровольцем и служил переводчиком в звании сублейтенанта в военной разведке. Быстрое окончание военных действий между Германией и Францией положило конец и военной службе Алехина.

В оккупированном Париже он вынужден сотрудничать в роли шахматного обозревателя в газете «Паризер цайтунг» («Parizer Zeitung»), которая позже сыграет скверную роль в его жизни. Стремясь обезопасить себя и семью, Алехин ходатайствует о выезде из Франции, но получает отказ. Вскоре стало понятным, на каких условиях Алехин и его жена могут существовать под присмотром оккупантов – от чемпиона требовали продолжать турнирную практику на германских территориях. Кроме того немецкие власти «предложили» опубликовать ряд шахматных статей.

В 1941 году в «Паризер цайтунг» появляется статья «Арийские и еврейские шахматы» (с общим подзаголовком «Основанное на шахматном опыте психологическое исследование чемпиона мира по шахматам д-ра Алехина, показывающее отсутствие концептуальной силы и смелости у евреев»). Этих статей ему не простили до конца жизни, хотя авторство Алехина документально не установлено до сего дня. Алехин объяснял, что тексты были исправлены и обильно дополнены профашистским редактором, а сам он ничего подобного не писал. Однако после войны почти никто не хотел его слушать. В вину чемпиону вменялось участие в соревнованиях, организованных нацистским Шахматным союзом, а также сотрудничество с русской эмигрантской антикоммунистической газетой «Новое слово», издававшейся в Берлине и поддерживавшей власовцев (в «Новом слове» Алехин тоже вел шахматную колонку).

В 1943 году Алехин, которому «покровительствовали» нацисты, смог-таки выбраться из Франции. Испания и Португалия стали для него прибежищем. Казалось, что временным...

Что же касается антисемитских статей, то здесь разговор особый. Весь жизненный путь Алехина говорит о том, что он испытывал искреннее уважение к коллегам по игре, среди которых

было очень много евреев. Ни до, ни после появления фальсифицированных статей, Алехин не давал ни малейшего повода к тому, чтобы его считали антисемитом (не говоря уже о том, что он был женат на еврейке).

— 7 —

L'ACTIVITÉ PARISIENNE EN 1944
Les Championnats de Paris 1944

Les Championnats de Paris individuels ont donné les résultats ci-après :

Principal. — 1° Boutteville (10 pts 1/2); 2° Huber (8 pts); 3° Schön (7 pts); 4° Tonini (6 1/2); 5° Lecour (6); 6° Reyss, Pénel, Vassiloff (5); 9° Duffo, Trébinsky (3 1/2); 11° Lévi, Pelle (3).

Subsidiaire. — 1° Donzel (9 pts 1/2); 2° Ancelin (9 pts); 3° Balcaen, Vèrès (7 1/2); 5° Lenfant, Gelly, Tuppin (6); 8° Lhermitte, Saumell (4); 10° Bloemen (3 1/2); 11° Delamarre de Monchaux (3).

Promotion. — Poule A : 1° Rose et de Coulomb (6 pts); 3° Cauchois (5 1/2); 4° Colas (5); 5° Vieillefond, Birkel, Fraas (3 1/2); 8° Stusak (3).
Poule B : 1° Mounier (6 pts 1/2); 2° Jolivet (6); 3° Vamos (5 1/2); 4° Liste (5); 5° Torteil (4 1/2); 6° Lucas (4); 7° Dreux (2 1/2); 8° Provost (2).

Minour. — 1° Devèze (8 pts); 2° Truesch (6); 3° Hugo (5 1/2); 4° Walrand (4 1/2); 5° Guilloux, Miller (4); 7° Bonival (3); 8° Chamboredon (1); 9° Vidal (0).

• **Dames.** — 1° Mme Alékhine (8 pts); 2° Mme Baudry (6); 3° Mme Polidori, Mlle Long (5); 5° Mme Joubert (4 1/2); 6° Mme Lecour (3 1/2); 7° Mme Aubert (2); 8° Mme Doublet, Mlle Josse (1).

Et voici les résultats techniques des Championnats de Paris Inter-Cercles :

Principal. — Poule A : 1° Caïssa B (49 pts); 2° Amical XVe (40 pts); 3° Fou du Roi B (30); 4° Rive Gauche (25). — Poule B : 1° Caïssa A (49 pts); 2° Fou du Roi A (38 pts); 3° Cavalier de l'Espérance (30); 4° Saint-Ouen (25). — Finale : Caïssa A bat Caïssa B (14 à 8).

Promotion. — Poule A : 1° Amical XVe (24 pts); 2° Cavalier de l'Espérance (24); 3° Saint-Ouen (23). — Poule B : 1° Amical XVe B (28 pts); 2° Rive Gauche (26); 3° Fou du Roi B (17). — Poule C : 1° Fou du Roi A (24 pts); 2° Jupiter (23) et Caïssa (23). — Finale : 1° Amical A (28 pts); 2° Fou du Roi A (27); 3° Amical XVe B (17).

Juniors. — 1° Caïssa (24 pts); 2° Amical XVe (20); 3° Cavalier de l'Espérance (6).

После войны ультиматум Американской шахматной федерации, обвинившей Алехина в коллаборационизме, лег в основу его обструкции. Как пишут историки, «... поверили Алехину те, кому было выгодно верить, а не поверили те, кому выгодно было не верить».

Не миновал этой участи и пятый чемпион мира Макс Эйве – под его председательством начинает работать комитет по расследованию сотрудничества Алехина с нацистами. Члены комитета требовали лишить Алехина звания чемпиона, отлучения его соревнований, отказа в публикации его шахматных статей. По-видимому, «прополка» шахматного поля была направлена еще и на то, чтобы распорядиться званием чемпиона мира без схватки за шахматной доской.

Только в СССР не спешили с обвинениями. Более того, назначили чемпионский матч между Алехиным и Ботвинником на август 1946 года. Наконец-то Родина поддержала своего чемпиона! Израненная Россия, которая вышла победителем самой страшной войны в истории, и которая больше других стран имела право судить о том, что возможно, а что невозможно для людей, оказавшихся в положении Алехина. Пятый чемпион мира принял известие о матче с огромным воодушевлением. В его безрадостной послевоенной жизни появилась надежда. Появилась – и ушла вместе с самой жизнью. Алехин скорострительно скончался, и до конца не понятные обстоятельства его смерти продолжают волновать историков и журналистов.

Чтобы понять положение Алехина имеет смысл обратиться к письму, которое он направил в 1945 году организаторам Лондонского международного шахматного турнира. Вот наиболее важные выдержки:

«...Первое из того, о чем вы меня информировали, — это круг вопросов, касающихся голословно приписываемых мне симпатий во время войны к немцам. Каждый, кто не скован предубеждением, должен бы понять мои действительные чувства к людям, которые взяли у меня все, что составляет ценность жизни: разрушили мой дом, разграбили замок моей жены и все, чем я обладал, и, наконец, украли даже мое честное имя.

Посвятив всю свою жизнь шахматам, я никогда не принимал участия в чем-либо, не имеющем прямого отношения к моей профессии. К несчастью, всю мою жизнь — особенно после

того, как я завоевал мировое первенство по шахматам, — люди приписывали мне совершенно абсурдные политические взгляды.

Около двадцати лет я ношу прозвище «белого русского», что мне особенно больно, так как это делало для меня невозможным связь с моей Родиной, хотя я никогда не переставал любить ее и восхищаться ею.

Наконец, в течение 1938–1939 г.г., я надеялся в результате переговоров и переписки с чемпионом СССР Ботвинником положить конец этой нелепой легенде путем организации в Советском Союзе матча между нами, который был практически решен. Но разразилась война, и вот после ее окончания я нахожусь здесь, заклеенный оскорбительным эпитетом «пронацист», обвиняемый в коллаборационизме и т. д., и т. п.

...Эйве вообще был так убежден в моей «влиятельности» у нацистов, что написал мне два письма, в которых просил меня предпринять шаги, чтобы облегчить судьбу бедного Ландау и моего друга Оскама. На самом деле и в Германии, и на оккупированной ею территории мы с женой были под непрерывной слежкой и угрозой концентрационного лагеря со стороны гестапо, так что Эйве, как и многие другие, глубоко ошибается.

...Я играл в шахматы в Германии и в оккупированных ею странах только потому, что это было нашим единственным средством пропитания и, кроме того, — ценою, которой я платил за свободу моей жены. Возвращаясь мысленно к тому положению, в котором я очутился четыре года назад, я могу лишь констатировать, что и сегодня должен был поступить точно так же. В нормальные времена моя жена имела средства и могла заботиться о себе, но не в военное время и не в руках нацистов. Повторяю: если голословные утверждения о моем «коллаборационизме» опираются на мое вынужденное, временное пребывание в Германии, я ничего не могу добавить: моя совесть чиста!

Другая возможность, что эти голословные обвинения против меня основаны на статьях, появившихся в «Паризер цайтунг». Против этого я могу решительно возразить. В течение трех лет я хранил молчание. Но при первой же возможности я, дав интервью, изложил имевшие место факты в их правильном освещении. В этих статьях, которые появились в 1941 году во время моего пребывания в Португалии и с которыми я познакомился уже в Германии из их перепечатки в «Дойче шахцайтунг», не было почти ничего, написанного мною.

...Моя преданность шахматному искусству, уважение, которое я всегда высказывал по отношению к таланту моих коллег, короче, вся моя предвоенная профессиональная жизнь должна заставить людей понять, что измышления «Паризер цайтунг» были фальшивкой.

Я жалею, что лишен возможности приехать в Лондон, чтобы лично подтвердить все вышеизложенное.

А. АЛЕХИН, Мадрид, 6 декабря 1945 г.».

Гений и гражданин

Если постараться суммировать события, произошедшие с Алехиным за четверть века эмиграции, можно сказать, что он был полностью погружен в шахматы и пытался уйти от всего, что мешало ему творить. Однако тоска по Родине была присуща ему, как многим великим русским эмигрантам. Он не маскировал этой тоски, охотно и по первому зову шел на контакт с советскими эмиссарами. Постепенно и в Советском Союзе поменялось общественное мнение, и поменялось кардинально, от «Алехин – наш враг» до «Алехин – наш первый чемпион». К несчастью, он не дожил всего нескольких месяцев до матча, который мог бы вновь связать его с Родиной.

23 марта 1946 года – после закулисных обсуждений и переговоров – ФИДЕ официально приняла решение о матче Алехина с Ботвинником, но уже 25 марта утром чемпион был найден мертвым в своем гостиничном номере. Пожилой маэстро сидел в кресле у столика с расставленными шахматами.

Александр Алехин был по сути одиночка, закрытый и сложный человек, возможно, полностью доверявший только любимому сиамскому коту. Могло ли быть иначе, если представить, какие испытания судьбы выпали на его долю? Великие шахматисты обычно не отличаются простым характером, но кто из них перенес столько вне шахматной доски? Алехин потерял Родину и семью,

а после потерял и Францию, ставшую вторым домам. Он дважды сидел в тюрьме и дважды воевал с немцами – оба раза добровольцем! А в конце жизни оказался заклеен как коллаборационист. Ему рукоплескал мир, но в конце жизни Алехин вынужден был едва ли не побираться, не хватало денег на еду и курево. Когда впереди появилась надежда исправить если не все, то многое – жизнь его внезапно оборвалась.

По настоящему он дорожил двумя вещами – своим даром и своим честным именем. Оспорить шахматное могущество Алехина никто не в силах. Но многие пытались оспорить его доброе имя.

Находясь вдали от России, Алехин всегда подчеркивал, что был и остается русским человеком. За три года до смерти Алехина в США скончался еще один русский, которого знает весь мир – Сергей Рахманинов. Ему принадлежат слова: *«Я – русский композитор, и моя родина наложила отпечаток на мой характер и мои взгляды. Моя музыка – это плод моего характера, и потому это русская музыка...»*.

Думается, Александр Алехин мог бы сказать нечто подобное о своих партиях.

Оригинал статьи:

<http://www.europe-echecs.com/art/alekhine-un-genie-de-la-russie-et-de-la-france-4658.html/>